

„Человек из футляра“, „Крыжовник“, „О
любви“,—Ан. П. Чехов. „Русская Мысль“—
июль, август.

„О любви“ рассказывает

Оъ перваго же свиданія Анна Алексѣевна произвела на него неострашимое впечатлѣніе. „Я почувствовалъ въ ней существо близкое, уже знакомое“—разсказываетъ оъ о первомъ свиданіи. Алексинъ сталъ часто бывать у Лугановичей, сдѣлался своимъ человѣкомъ; ему всегда были рады, къ нему привыкли всѣ, начиная хозяйками и кончая прислугой; о немъ заботились, какъ о родномъ. Скоро для Алексина не стало никакихъ сомнѣній въ томъ, что не простые симпатіи, не дружба, а любовь питается оъ къ Аннѣ Алексѣевнѣ.

^{*)} См. №№ 196 и 208 „Дон. Ръчи“.

— „Минутами мнѣ становилась тяжела до слезъ эта роль благороднаго существа“, рассказывать онъ.

— Когда тутъ, въ купѣ,—заканчи-
ваетъ онъ свой рассказъ, взгляды
наши встрѣтились, душевныя силы
оставили насъ обонхъ; я обнялъ ее.

она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ: видя ея лицо, плечи, руки, мокрая отъ слезъ,—о, какъ мы были съ ней несчастны!—Я прижался ея въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ, и понимая, какъ нецелуно, мелко и обманчиво было все то, что мышаю намъ любить. Я понималъ, что когда любимъ, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно неходить съ вышшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель, въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе. Разсказъ окончатъ, „finita la comedia“. Сознавше глубочайшаго несчастья—это все, что досталось отъ жизни на долю двухъ любящихъ сердецъ. Но кто же виноваты? виноваты ли кто-нибудь, и есть ли здѣсь вообще вина? Я понималъ, говоритъ Алексѣй, что когда любимъ, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно неходить съ вышшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе. Опять „высшее, болѣе важное, чѣмъ счастье или несчастье“. Что же это высшее, что это болѣе важное? „Нравственный законъ“, „добро“. Но вѣдь именно это-то „высшее“ и преслѣдовало Алексѣя, это-то „высшее“ и сыграло роль толъ футляра, который лишилъ его чувства возможности свободно проявиться. Грѣхъ и добродѣтель въ этомъ смыслѣ, конечно, есть то условное, вышнее, противъ чего борются всѣ, еще не погрузившіеся въ тишу, люди. Но вѣдь не отсюда шель Алексѣй. Онъ спрашивалъ себя: какою ли это, если мы любимъ ядромъ оборветъ счастливое теченіе жизни я мужа, дѣтей, всего этого дома“?.. А это вѣдь вопросы добра и справедливости—вышние вопросы нравственнаго порядка. Чувство сверху, правда, его немного въ сторону; онъ, задумываясь о будущемъ, невольно допускалъ для нравственныхъ закона—однѣхъ для себя и вообще простыхъ смертныхъ, другой для людей исключительныхъ.

«если бы я, напр., боролся за освобождение родины, или был знаменитым ученым, артистом, художником», рассуждал он, допуская тогда иное решение мучившей его задачи;—но это вопрос особый. Или не нужно рассуждать вовсе»,—формулирует Аলেখинь свою последнюю мысль. «Не нужно», но можно ли этого достичь? Аলেখинь рассуждал и, стало быть, не мог не рассуждать. Есть люди, которые не рассуждают, въ дѣлать любви, для нихъ тогда и самъ законъ этотъ не нуженъ. «До сихъ поръ—говорить самъ же Аলেখинь—о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть». Можно къ этому прибавить и еще одну «правду»: не рассуждать въ любви нельзя. Тотъ футляръ, въ которомъ очутился Аলেখинь,—это его собственное «я», весь внутренний миръ его: это такой футляръ, отъ котораго избавиться нельзя, да и желать избавиться нельзя; это вѣчный футляръ, вѣчный и неизмѣнный въ своей общей формѣ, доколь человѣкъ будетъ оставаться человѣкомъ. И не хочу сказать, что Аলেখинь вѣрно рѣшилъ стоявшій передъ нимъ вопросъ. «Каждый отдѣльный случай любви надо индивидуализировать» — говоритъ, опять таки, самъ Аলেখинь. И вотъ возможно, что онъ этого не сумѣлъ сдѣлать,—тогда онъ самъ виноватъ. «Когда мы любимъ, то не перестаемъ задавать себѣ вопросы: честно это или не честно, умно или глупо, къ чему поведетъ эта любовь и такъ далѣе... Хорошо это или нѣтъ, я не знаю, но что это мѣшаетъ, не удовлетворяетъ, раздражаетъ—это я знаю». Такъ говоритъ Аলেখинь, такъ же, несомнѣнно, думаетъ и авторъ. Да, все это мѣшаетъ, не удовлетворяетъ, раздражаетъ—это сама истина, но настолько истина, насколько истина и то, что мы никогда не перестаемъ мучительно задумываться надъ тѣмъ, честно это или не честно, умно или глупо, къ чему поведетъ эта любовь и т. д.

Впрочемъ, далѣе мы не будемъ спускаться въ безднну глубины во-

проса о любви: «тайна сия» надолго, вѣроятно, останется еще великой, да и дѣль у насъ сейчасъ другая: намъ нужно рѣшить, что сказали намъ въ своемъ послѣднемъ словѣ «талантливѣйшій изъ современныхъ русскихъ беллетристовъ» г. Чеховъ.

Знаете ли вы, что такое жизнь, та жизнь, которую живетъ наше цѣлѣнное общество,—жизнь, за которую, несмотря на все ея толчки, тѣло держится людскія руки, ища въ ней счастья и довольства?—говоритъ Чеховъ. Смотрите, я покажу вамъ, что это такое. Жизнь—это футляръ, скользящій вашу свободу, мѣшающій намъ развернуть «все свойства личности своего свободного духа», держащій вашу душу въ постоянныхъ «сумеркахъ». Вотъ цѣлая фаланга Бѣликовыхъ—этихъ, «вищихъ духомъ», этихъ забитыхъ, запуганныхъ «футлярныхъ человѣковъ», вѣчно живущихъ подъ страхомъ завтрашняго дня, вѣчно душащихъ всякое свободное движение своей души. Счастье ихъ заключается всецѣло только въ томъ, чтобы скорѣй дожить до смерти. Но похороните вы одного Бѣликова,—а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ останется, сколько ихъ еще будетъ! Но вотъ вамъ другая фаланга, фаланга вполне счастливыхъ людей—это Николай Ивановичъ Чимша-Гималайскіе. Да, они дѣйствительно вполне счастливый народъ, и не поняли бы васъ, если бы вы вздумали убѣждать ихъ въ противномъ; не поняли бы не потому, что не хотѣли бы понять, а совершенно искренно, отъ чистаго сердца. Но какое же это счастье, господа? Вѣдь Николай Ивановичъ располнѣлъ, обрюзгъ, щеки, носъ и губы тянутся у него впередъ, вѣдь онъ «того и гляди, хрюкнетъ въ одѣяло»; вѣдь тотъ футляръ, что приготовила жизнь Николаю Ивановичу во сто кратъ хуже и тяжелѣе, чѣмъ «оболочка» Бѣликова. Жизнь, господа, это общій гипнозъ—говоритъ Чеховъ.

Вамъ тяжело, вамъ душно, читатель, отъ этой картины: она слишкомъ вѣрна дѣйствительности. Вамъ хочет-

ся задать автору нѣсколько рѣшительныхъ вопросовъ: вамъ хочется, чтобы, отвѣтивъ на нихъ, онъ разсѣялъ тяжелый кошмаръ. Но напрасно вы будете дѣлать это; авторъ самъ мучится не меньше васъ, иначе онъ не нарисовалъ бы такой художественно-вѣрной и глубокой картины. Однако, онъ не отвѣтитъ вамъ: у него нѣтъ нужныхъ для васъ словъ. Жизнь именно такая, какъ онъ ее изобразилъ; она дѣйствительно общій гипнозъ; по всегда ли она такая, всегда ли одинаково тяжелъ этотъ гипнотическій сонъ; что можетъ прервать его? какія силы могутъ освободить людей отъ этихъ футлярныхъ жизни? На эти вопросы авторъ предлагаетъ отвѣтить самому читателю. Онъ даже идетъ нѣсколько далѣе и въ своемъ разсказѣ «О любви» показывается намъ тотъ футляръ, отъ котораго насъ ничто уже не можетъ спасти. «Счастья нѣтъ», говоритъ онъ. Но онъ не доводитъ насъ, все таки, вплотную до границы, откуда начинается мрачная пропасть крайняго пессимизма; онъ еще самъ вѣрить во что-то высшее, хотя и не достаточно определенное, даетъ возможность вѣрить и намъ. Чтобы это ни было, но картина, стало быть, еще не роковая. Чеховъ разбудилъ своими разсказами мысль, заставилъ думать, а это уже много.

Да проститъ мнѣ читатель, что я не исчерпалъ и сотой доли того материала, который заключенъ съ такимъ умѣньемъ Чеховымъ въ этихъ трехъ его разсказахъ, умѣстившихся всего на трехъ десяткахъ страницъ. Слишкомъ много сконцентрировать здѣсь авторъ самыхъ большихъ, самыхъ общихъ вопросовъ: онъ сумѣлъ задать здѣсь всю глубину жизни, охвативъ ее одною общою мыслью, и не только обсудить, но и поставить все, скрытое въ этой «трилогии» задачи—дѣло слишкомъ трудное, да и самъ авторъ ограничился только набросками, раскрывающими только отчасти его богатѣйшую по содержанию тему. Три разсказа Чехова—это огромная идея въ маленькомъ футлярѣ...

А. ЛОВЪ